

*А. Ю. Полунов, к. и. н.
(МГУ им. М. В. Ломоносова)*

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА И О. ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО (ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА)

Вопрос о взаимоотношениях К. П. Победоносцева и о. Иоанна Кронштадтского представляет несомненный научный интерес в связи с той ролью, которую эти люди сыграли в жизни Русской Церкви конца XIX — начала XX в. Обер-прокурор Св. Синода Победоносцев воспринимался многими современниками как олицетворение бюрократизированного официального фасада «духовного ведомства», о. Иоанн Кронштадтский — как один из символов религиозного возрождения рубежа веков. Сложилось мнение, что обер-прокурор уже в силу своего бюрократического, «чиновничьего» статуса негативно относился к о. Иоанну, не сочувствовал его деятельности. Такое мнение представляется излишне категоричным и нуждается в уточнении.

Об отношении Победоносцева к о. Иоанну сохранилось немного сведений. Известно, что в 1883 г. обер-прокурор выразил недовольство публикацией в газете «Новое время» известий о чудесах, творимых кронштадтским протоиереем. Характерно, что, узнав о публикации, он прежде всего заподозрил махинации со стороны священника. В дальнейшем обер-прокурор внимательно следил, чтобы известия о совершающихся в Кронштадте чудесах не попадали на страницы печати без разрешения духовного ведомства. Далее, во второй половине 1890-х гг. Победоносцев одобрил появление в журнале «Исторический вестник» материалов, косвенно бросающих тень на деятельность о. Иоанна. Все это на первый взгляд говорило о неприязни главы духовного ведомства к кронштадтскому подвижнику. Однако реальность, видимо, все же была сложнее. Так, получив в 1883 г. разъяснения об инциденте с публикацией в «Новом времени» от начальника Главного управления по делам печати, он остался ими вполне удовлетворен и не принимал каких-либо действий против о. Иоанна. В 1894 г. обер-прокурор благосклонно воспринял приглашение о. Иоанна к Александру III во время болезни царя. Каким же в конечном счете было отношение Победоносцева к кронштадтскому протоиерею?

Для ответа на этот вопрос нужно отказаться от предвзятого мнения о «бюрократизме» и «формализме» Победоносцева и вдуматься в основы его религиозной психологии. Обер-прокурор был человеком глубоко верующим и благочестивым, однако в его мировоззрении была одна особенность. Победоносцев чрезвычайно высоко ценил устоявшиеся, «отстоявшиеся» формы церковной жизни (культ, обряд, церковное искусство), но с определенным недоверием относился к личному почину людей, выходящему за рамки традиционного уклада. Всякое проявление индивидуальности казалось ему подозрительным. В письмах обер-прокурора можно встретить десятки восторженных упоминаний о красоте храмовой архитектуры, искусства, церковного пения и др., однако там почти нет сведений о знаменитых подвижниках того времени (в частности, об оптинских старцах). Безусловно, глава духовного ведомства не был человеком, равнодушным к людям. Он умел ценить самоотверженную работу на благо Церкви, но особое одобрение у него вызывали «незаметные труженики провинции» — те, кто работал «в тишине, по углам», «в своем тесном кругу», «в бедности, простоте и смирении», как правило, в максимальном отдалении от центров культуры и шумной общественной жизни. Те же, чьи начинания пользовались широкой известностью в обществе, привлекали внимание газет и журналов, становились предметом «агитации» и «толков», вызывали у Победоносцева по меньшей мере амбивалентное чувство, хотя цель этих начинаний могла быть вполне симпатична обер-прокурору. Представляется, что, исходя из подобных настроений, он в конечном счете так и не смог определиться в своем отношении к о. Иоанну Кронштадтскому, колеблясь между одобрением и скепсисом. Однако современники, плохо понимавшие причины и природу этих колебаний, восприняли позицию Победоносцева упрощенно и приписали ему негативное отношение к кронштадтскому подвижнику.